

Annotation

Впервые напечатано, с подзаголовком «Рассказ бывалого человека», в «Самарской газете», 1895, номер 154, 20 июля и номер 156, 22 июля. В письме к С.П.Дороватовскому 14 декабря 1898 года, который в это время готовил к изданию III том «Очерков и рассказов», Горький писал: «...среди рассказов, посланных мною Вам для III тома, есть один, озаглавленный „Однажды осенью“. Возвратите его мне; так как он автобиографического характера, я должен буду, изменив, включить его в то, над чем работаю теперь для „Жизни“. Горький работал в это время над романом «Фома Гордеев», но в процессе работы, очевидно, отказался от мысли использовать «Однажды осенью» в романе, и рассказ вошёл в III том «Очерков и рассказов» изд. Дороватовского и Чарушникова 1899 года и во все собрания сочинений. Подзаголовок сохранялся до издания 1903 года. Печатается по тексту, подготовленному Горьким для собрания сочинений в издании «Книга».

-
- [Однажды осенью](#)
-

Однажды осенью

...Однажды осенью мне привелось стать в очень неприятное и неудобное положение, в городе, куда я только что приехал и где у меня не было ни одного знакомого человека, – я очутился без гроша в кармане и без квартиры.

Продав в первые дни всё то из костюма, без чего можно было обойтись, я ушёл из города в местность, называемую Устье, где стояли пароходные пристани и в навигационное время кипела бойкая трудовая жизнь, а теперь было пустынно и тихо, – дело происходило в последних числах октября.

Шлёпая ногами по сырому песку и упорно разглядывая его с желанием открыть в нём какие-нибудь остатки питательных веществ, я бродил одиноко среди пустынных зданий и торговых ларей и думал о том, как хорошо быть сытым...

При данном состоянии культуры голод души можно удовлетворить скорее, чем голод тела. Вы бродите по улицам, вас окружают здания, недурные по внешности и – можно безошибочно сказать – недурно обставленные внутри: это может возбудить у вас отрадные мысли об архитектуре, о гигиене и ещё о многом другом, мудром и высоком; вам встречаются удобно и тепло одетые люди, – они вежливы, всегда сторонятся от вас, деликатно не желая замечать печального факта вашего существования. Ей-богу, душа голодного человека всегда питается лучше и здоровее души сытого, – вот положение, из которого можно сделать очень остроумный вывод в пользу сытых!..

...Наступал вечер, шёл дождь, с севера порывисто дул ветер. Он свистел в пустых ларях и лавчонках, бил в заколоченные досками окна гостиниц, и волны реки от его ударов пенились, шумно плескались на песок берега, высоко взмётывая свои белые хребты, неслись одна за другой в мутную даль, стремительно прыгая друг через друга... Казалось, что река чувствовала близость зимы и в страхе бежала куда-то от оков льда, которые мог в эту же ночь набросить на неё северный ветер. Небо тяжело и мрачно, с него неустанно сыпались еле видные глазом капельки дождя; печальную элегию в природе вокруг меня подчёркивали две обломанные и уродливые ветлы и опрокинутая вверх дном лодка у их корней.

Опрокинутый чёлн с проломленным дном и ограбленные холодным ветром деревья, жалкие и старые... Всё кругом разрушено, бесплодно и

мертво, а небо точит неиссякаемые слёзы. Пустынно и мрачно было вокруг – казалось, всё умирает, скоро останусь в живых я один, и меня тоже ждёт холодная смерть.

А мне тогда было семнадцать лет – хорошая пора!

Я ходил, ходил по холодному и сырому песку, выбивая зубами трели в честь голода и холода, и вдруг, в тщетных поисках съестного, зайдя за один из ларей, – увидел за ним скорченную на земле фигуру в женском платье, мокрым от дождя и плотно приставшем к склонённым плечам. Остановившись над ней, я присмотрелся, что она делала.

Оказалось, она роет руками яму в песке, подкапываясь под один из ларей.

– Это зачем тебе? – спросил я, присаживаясь на корточки около неё.

Она тихо вскрикнула и быстро вскочила на ноги. Теперь, когда она стояла и смотрела на меня широко раскрытыми серыми глазами, полными боязни, – я видел, что это девушка моих лет, с очень миловидным личиком, к сожалению, украшенным тремя большими синяками. Это его портило, хотя синяки были расположены с замечательной пропорциональностью – по одному, равной величины, под глазами и один – побольше – на лбу, как раз над переносицей. В этой симметрии была видна работа артиста, очень изощрившегося в деле порчи человеческих физиономий.

Девушка смотрела на меня, и боязнь в её глазах постепенно гасла... Вот она отряхнула руки от песка, поправила ситцевый платок на голове, поёжилась и сказала:

– Ты, чай, тоже есть хочешь?.. Ну-ка, рой, у меня руки устали. Там, – она кивнула головой на ларь, – наверно хлеб есть... Этот ларь торгует ещё...

Я стал рыть. Она же, немного подождав и посмотрев на меня, присела рядом и стала помогать мне...

Мы работали молча. Я не могу сказать теперь, помнил ли я в этот момент об уголовном кодексе, о морали, собственности и прочих вещах, о которых, по мнению сведущих людей, следует помнить во все моменты жизни. Желая быть возможно ближе к истине, я должен признаться, – кажется, я был настолько углублён в дело подкопа под ларь, что совершенно позабыл о всём прочем, кроме того, что могло оказаться в этом ларе...

Вечерело. Тьма – сырая, мозглая, холодная – всё более сгущалась вокруг нас.

Волны шумели как будто глуше, чем раньше, а дождь барабанил о доски ларя всё звучнее и чаще... Где-то уж продребезжала трещётка

ночного сторожа...

– Есть у него пол или нет? – тихо спросила моя помощница. Я не понял, о чём она говорит, и промолчал.

– Я говорю – есть пол у ларя? Коли есть, так мы напрасно ломаемся. Подроем яму, – а там, может, толстые доски ещё... Как их отдерёшь? Лучше замок сломать... замок-то плохонький...

Хорошие идеи редко посещают головы женщин; но, как вы видите, они всё-таки посещают их... Я всегда ценил хорошие идеи и всегда старался пользоваться ими по мере возможности.

Найдя замок, я дёрнул его и вырвал вместе с кольцами... Моя соучастница мгновенно изогнулась и змеёй вильнула в открывшееся четырёхугольное отверстие ларя. Оттуда раздался её одобрителный возглас:

– Молодец!

Одна маленькая похвала женщины для меня дороже целого дифирамба со стороны мужчины, будь мужчина сей красноречив, как все древние ораторы, взятые вместе. Но тогда я был настроен менее любезно, чем теперь, и, не обратив внимания на комплимент девушки, кратко и со страхом спросил её:

– Есть что-нибудь?

Она монотонно принялась перечислять мне свои открытия:

– Корзина с бутылками... Мешки пустые... Зонтик... Ведро железное.

Всё это было несъедобно. Я почувствовал, что мои надежды гаснут...

Но вдруг она оживлённо крикнула.

– Ага! вот он...

– Кто?

– Хлеб... Каравай... Только мокрый... Держи!

К ногам моим выкатился каравай и за ним она, моя доблестная соучастница.

Я уже отломил кусочек, засунул его в рот и жевал...

– Ну-ка, дай мне... Да отсюда надо и уходить. Куда бы нам идти? – Она пытливо посмотрела во тьму на все четыре стороны... Было темно, мокро, шумно... – Вон там лодка опрокинута... айда-ка туда?

– Идём! – И мы пошли, обламывая на ходу нашу добычу и набивая ею рты...

Дождь усиливался, река ревела, откуда-то доносился протяжный насмешливый свисток, – точно некто большой и никого не боящийся освистывал все земные порядки, и этот скверный осенний вечер, и нас, двух его героев... Сердце болезненно ныло от этого свиста: тем не менее я

жадно ел, в чём мне не уступала и девушка, шедшая с левой стороны от меня.

– Как тебя зовут? – зачем-то спросил я её.

– Наташа! – отвечала она, звучно чавкая.

Я посмотрел на неё – у меня больно сжалось сердце, я посмотрел во тьму впереди меня и – мне показалось, что ироническая рожа моей судьбы улыбается мне загадочно и холодно...

...По дереву лодки неугомонно стучал дождь, мягкий шум его наводил на грустные мысли, и ветер свистел, влетая в проломленное дно – в щель, где билась какая-то щепочка, билась и трещала беспокойным и жалобным звуком. Волны реки плескались о берег, они звучали так монотонно и безнадёжно, точно рассказывали о чём-то невыносимо скучном и тяжёлом, надоевшем им до отвращения, о чём-то таком, от чего им хотелось бы убежать и о чём всё-таки необходимо говорить. Шум дождя сливался с их плеском, и над опрокинутой лодкой плавал протяжный, тяжёлый вздох земли, обиженной и утомлённой этими вечными сменами яркого и тёплого лета – осенью холодной, туманной и сырой.

Ветер носился над пустынным берегом и вспенённой рекой, носился и пел унылые песни...

Помещение под лодкой было лишено комфорта: в нём было тесно, сыро, в пробитое дно сыпались мелкие, холодные капли дождя, врывались струи ветра ...Мы сидели молча и дрожали от холода. Мне хотелось спать, помню Наташа прислонилась спиной к борту лодки, скорчившись в маленький комок. Обняв руками колени и положив на них подбородок, она упорно смотрела на реку, широко раскрыв свои глаза, – на белом пятне её лица они казались громадными от синяков под ними. Она не двигалась, эта неподвижность и молчание – я чувствовал – постепенно родит во мне страх перед моей соседкой...

Мне хотелось заговорить с ней, но я не знал, с чего начать.

Она заговорила сама.

– Экая окаянная жизнь!.. – внятно, отдельно, с глубоким убеждением в тоне произнесла она.

Но это не была жалоба. В этих словах было слишком много равнодушия для жалобы.

Просто человек подумал, как умел, подумал и пришёл к известному выводу, который и высказал вслух и на который я не мог возразить, не противореча себе. Поэтому я молчал. А она, как бы не замечая меня, продолжала сидеть неподвижно.

– Хоть бы сдохнуть, что ли... – снова проговорила Наташа, на этот раз тихо и задумчиво. И снова в её словах не звучало ни одной ноты жалобы. Видно было, что человек, подумав про жизнь, посмотрел на себя и спокойно пришёл к убеждению, что для охранения себя от издевательств жизни он не в состоянии сделать что-либо другое, кроме того, как именно – «сдохнуть».

Мне стало невыразимо тошно от такой ясности мышления, и я чувствовал, что если буду молчать ещё, то наверное заплачу... А это было бы стыдно пред женщиной, тем более, что вот – она не плакала. Я решил заговорить с ней.

– Кто это тебя избил? – спросил я, не придумав ничего умнее.

– Да всё Пашка же... – ровно и громко ответила она.

– А он кто?

– Любовник... Булочник один...

– Часто он тебя бьёт?..

– Как напьётся, так и бьёт...

И вдруг, придвинувшись ко мне, она начала рассказывать о себе, Пашке и существующих между ними отношениях. Она – «девица из гуляющих, которые...», а он – булочник с рыжими усами и очень хорошо играет на гармонике. Ходил он к ней в «заведение» и ей очень понравился, потому что человек он весёлый и одевается чисто.

Поддёвка в пятнадцать рублей и сапоги с «набором» у него... По этим причинам она в него влюбилась, и он стал её «кредитным». А когда он стал её «кредитным», то занялся тем, что отбирал у неё те деньги, которые ей давали другие гости на конфеты, и, напиваясь на эти деньги, стал бить её, – это бы ещё ничего, – а стал «путаться» с другими девицами на её глазах...

– Али это мне не обидно? Я не хуже других прочих... Значит, это он издевается надо мной, подлец. Третьего дня я вот отпросилась у хозяйки гулять, пришла к нему, а у него Дунька пьяная сидит. И он тоже под шефе. Я говорю ему: «Подлец ты, подлец!

Жулик ты!» Он избил меня всю. И пинками и за волосы – всячески... Это бы ещё ничего!

А вот порвал всю... это как теперь? Как я к хозяйке явлюсь? Всё порвал: и платье и кофточку – новенькая ещё совсем... и платок сдёрнул с головы... Господи! Как мне теперь быть? – вдруг взвыла она тоскующим, надорванным голосом.

И ветер выл, становясь всё крепче и холоднее. У меня снова зубы принялись танцевать. А она тоже ёжилась от холода, придвинувшись настолько близко ко мне, что я уже видел сквозь тьму блеск её глаз..

– Какие все вы мерзавцы, мужчины! Растоптала бы я вас всех, изувечила. Издыхай который из вас... плюнула бы в морду ему, а не пожалела! Подлые хари! Канючите, канючите, виляете хвостом, как подлые собаки, а поддастся вам дура, и готово дело!

Сейчас вы её и под ноги себе... Шематоны паршивые...

Ругалась она очень разнообразно, но в ругательствах её не было силы: ни злобы, ни ненависти к «паршивым шематонам» не слышал я в них. Вообще тон её речи был несоответственно содержанию спокоен и голос грустно беден тонами.

Но всё это действовало на меня сильнее самых красноречивых и убедительных пессимистических книг и речей, которые я слышал немало и раньше, и позднее, и по сей день слышу и читаю. И это потому, видите ли, что агония умирающего всегда гораздо естественнее и сильнее самых точных и художественных описаний смерти.

Мне было скверно – наверное, больше от холода, чем от речей моей соседки по квартире. Я тихонько застонал и заскрипел зубами.

И почти в то же мгновение ощутил на себе две холодные маленькие руки, – одна из них коснулась моей шеи, другая легла мне на лицо, и вместе с тем прозвучал тревожный, тихий, ласковый вопрос:

– Ты что?

Я готов был подумать, что это спрашивает меня кто-то другой, а не Наташа, только что заявившая, что все мужчины мерзавцы, и желавшая всем им гибели. Но она заговорила уже быстро и торопливо...

– Что ты? а? Холодно, что ли? Смерзаешь? Ах ты какой! Сидит и молчит... как сыч! Да ты бы давно сказал мне, что холодно, мол... Ну... ложись на землю... протягивайся... и я лягу... вот! Теперь обнимай меня руками... крепче... Ну вот, и должно быть тебе тепло теперь... А потом – спинами друг к другу ляжем... Как-нибудь скоротаем ночь-то... Ты что, запил, что ли? С места прогнали?.. Ничего!..

Она меня утешала... Она меня ободряла...

Будь я трижды проклят! Сколько было иронии надо мной в этом факте! Подумайте!

Ведь я в то время был серьёзно озабочен судьбами человечества, мечтал о реорганизации социального строя, о политических переворотах, читал разные дьявольски мудрые книги, глубина мысли которых, наверное, недостижима была даже для авторов их, – я в то время всячески старался приготовить из себя «крупную активную силу». И меня-то согревала своим телом продажная женщина, несчастное, избитое, загнанное существо, которому нет места в жизни и нет цены и которому я не догадался помочь

раньше, чем она мне помогла, а если б и догадался, то едва ли бы сумел помочь ей чем-либо.

Ах, я готов был подумать, что всё это происходит со мной во сне, в нелепом сне, в тяжёлом сне...

Но, увы! мне нельзя было этого подумать, ибо на меня сыпались холодные капли дождя, крепко к моей груди прижималась грудь женщины, в лицо мне веяло её тёплое дыхание, хотя и с легоньким букетом водки... но – такое живительное... Был и стонал ветер, стучал дождь о лодку, плескались волны, и оба мы, крепко сжимая друг друга, всё-таки дрожали от холода. Всё это было вполне реально, и я уверен, никто не видал такого тяжёлого и скверного сна, как эта действительность.

А Наташа всё говорила о чём-то, говорила так ласково и участливо, как только женщины могут говорить. Под влиянием её речей, наивных и ласковых, внутри меня тихо затеплился некий огонёк, и от него что-то растаяло в моём сердце.

Тогда из моих глаз градом полились слёзы, смывшие с сердца моего много злобы, тоски, глупости и грязи, накипевшей на нём пред этой ночью... Наташа уже уговаривала меня:

– Ну, полно, миленький, не реви! Полно! Бог даст, поправишься, опять на место поступишь... и всё такое...

И всё целовала меня. Много, без счёта, горячо...

Это были первые женские поцелуи, преподнесённые мне жизнью, и это были лучшие поцелуи, ибо все последующие страшно дорого стоили и почти ничего не давали мне.

– Ну, не реви же, чудака! Я тебя завтра устрою, коли тебе некуда деваться...

– как сквозь сон слышал я тихий убедительный шёпот...

...До рассвета мы лежали в объятиях друг друга...

А когда рассвело, вылезли из-под лодки и пошли в город... Потом дружески простились и более не встречались никогда, хотя я с полгода разыскивал по всем трущобам эту милую Наташу, с которой провёл описанную мною ночь, однажды осенью...

Если она уже умерла – как это хорошо для неё! – в мире да почитет! А если жива – мир душе её! Да не проснётся в душе её сознание падения... ибо это было бы страданием излишним и бесплодным для жизни...